

Владимир Орлов

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ: О РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСЛЕ ГРУЗИНСКОГО КРИЗИСА

Августовская война России и Грузии мгновенно привела к кризису двусторонних российско-американских отношений, это бесспорно. Но насколько глубок этот кризис? Или же все забудется через считанные месяцы? А может быть – уже забывается, особенно когда все (и в Вашингтоне, и в Москве) отвлечены на борьбу с кризисом финансовым?

КУРС – НА РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Не забудется и не рассосется сам собой. Потому что глубина кризиса двусторонних отношений, проявившаяся в августе 2008 г., не имеет аналогов в период двух последних десятилетий и может сравниваться с кризисами двусторонних отношений времен холодной войны, в частности, с периодом ввода советских войск в Афганистан и последовавшими затем контрмерами США.

Последствия этого кризиса можно минимизировать. Но, в любом случае, мы будем пожинать его горькие плоды не недели и не месяцы, но годы.

Конечно, обострения двусторонних отношений в период после распада Советского Союза происходили неоднократно. Наиболее существенное из них произошло после бомбардировок Соединенными Штатами Белграда в разгар косовского кризиса. Однако и тогда, и позднее (как, например, после начала американской агрессии против Ирака в 2003 г.) такие вопросы стратегического сотрудничества двух государств, как нераспространение ОМУ, как бы выносились за скобки этого обострения или охлаждения, не становясь заложниками текущей политической конъюнктуры и как бы живя по своим законам. Согласно этим неписанным законам, интересы России и США в области нераспространения ОМУ настолько совпадают или близки, что не должны пасть жертвой общего ухудшения отношений. Таким образом, негласно соблюдалось правило, заложенное советскими и американскими руководителями еще во времена холодной войны.

Отсюда вопрос: даже если кризис налицо, стоит ли его драматизировать с точки зрения влияния на всю архитектуру стратегического диалога, сложившегося между двумя нашими странами за последние десятилетия, прежде всего, в области нераспространения ОМУ и контроля над ядерными вооружениями?

Но давайте смотреть не на желаемое, а на действительное. И тогда увидим, что стратегического диалога больше нет. Грузинский кризис его перечеркнул. Есть, если хотите, *стратегическое молчание*. Или – если попытаться оперировать более оптимистическими терминами в этой весьма мрачной ситуации – *стратегическая пауза*. Но затянуться она может надолго. И лишь серьезная политическая воля с обеих сторон сможет сократить ее.

Сравнивать нынешнюю ситуацию с предыдущими обострениями отношений, в частности, с косовским, некорректно.

Во-первых, Россия образца 2008 г. имеет очень мало общего с Россией десятилетней давности, когда разворачивалась югославская драма. Экономически окрепшее, идеологически опирающееся на возросший национализм государство не видит большой потребности в устойчивых альянсах и рассматривает себя как **самодостаточного, априори влиятельного игрока на международной арене**.

В Вашингтоне привыкли считать себя *лупом земли*, вокруг которого вращаются все коллизии и интересы. Россия образца начала девяностых годов прошлого века, сразу после самоликвидации Советского Союза, своим поведением, подчас заискивающим и неизменно пассивным, сама немало поспособствовала такому имиджу Америки. Но ведь Россия делает работу над ошибками.

Во-вторых, потеряно доверие. Это – новая ситуация. Ведь еще совсем недавно, констатируя нарастающие разногласия, в Москве делали оговорку о том, что «с Белым домом у нас отношения доверительные, и диалог идет пусть трудный, зато честный».

Американцы в доверительном диалоге нас обманули, прямо заявил 13 августа министр иностранных дел Сергей Лавров. Речь шла, конечно, о Грузии и Южной Осетии, но эти слова – отражение общего настроения в Кремле: Вашингтону ни в чем нельзя доверять – ни по Грузии с Украиной, ни по ПРО с контролем над вооружениями.

В-третьих, восприятие в Кремле Соединенных Штатов как трудного, но все же ключевого стратегического **партнера** в решении главных вопросов повестки дня международной безопасности, прежде всего, международного терроризма и нераспространения ОМУ, сменяется восприятием США как ключевого идеологического, геополитического **противника** России, который неотвратимо – прямо или завуалированно – будет препятствовать развитию и укреплению России.

Примечательно, что за 10 дней до начала грузинского конфликта, осуществляя информационное обеспечение приезда в США нового российского посла С.И. Кисляка, МИД России устами весьма грамотно ориентирующегося в кремлевских установках *анонимного источника* вдруг заговорил о необходимости *дальнейшего снижения роли США во внешнеполитических ориентирах России и о сокращении любой зависимости России от США*. Сначала этот *анонимный источник* изложил свое видение внутривнутриполитической обстановки в США, на которые, по его оценке, надвигается «полномасштабный кризис существования... США стоят на пути крутых болезненных перемен. Для начала им надо будет научиться жить по средствам». Далее, размышлял этот источник, «мы (Россия) можем в перспективе дойти до момента, когда мы сможем себе позволить перестать вести обсуждение по существу только тех вопросов, которые интересуют американцев»¹.

Действительно, в Москве уже научены горьким опытом. Как только американцев интересуют исламистские террористы или Иран, они тут же мчатся в Москву. Но как только Москва начинает ставить свои вопросы: по Украине, по Грузии, по ПРО, как только Москва выступает с такими собственными инициативами, как запрещение вывоза оружия в космос, Вашингтону как-то сразу становится скучно, интерес к диалогу там как-то сразу увядает.

Впрочем, я считаю, что это в значительной степени вина самой Москвы: мы слишком долго позволяли Вашингтону верстать повестку дня нашего диалога и слишком мямлили о наших собственных вопросах и интересах (да, что говорить: всегда зная, чего мы *не хотим*, часто сами не могли разобраться, чего же мы *хотим*), чтобы быть воспринятыми всерьез.

Так вот, согласно нынешней интерпретации в устах этого замечательного анонимного источника МИД России, США и Россия – «не враги» и, «к сожалению, еще не друзья, но все меньше и меньше зависимы друг от друга»².

Таким образом, нынешний кризис российско-американских отношений оказался неизбежным. Если бы грузинской агрессии в отношении Южной Осетии не было, то нашелся бы другой повод: месяцем раньше или месяцем позже. И, **в отличие от предыду-**

щих обострений, нынешний кризис затронет, если еще не затронул, всю архитектуру двусторонних отношений, включая вопросы нераспространения ОМУ и судьбу ядерных арсеналов.

Потому что он – не о Грузии. И он – даже не об Украине (хотя он, конечно, об Украине куда в большей степени, чем о Грузии)... Он, этот кризис, – обо всей глобальной архитектуре безопасности. Она кое-как держалась в постбиполярном мире. Все, обветшала. И долго уже не протянет.

Не в интересах России принимать позу страуса, рискуя быть погребенной под обломками.

СОКРАТИТЬ ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ: САМОСТОЯТЕЛЬНО, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО, ДОСТОЙНО

При этом Россия совершенно не собирается торпедировать основы международного режима ядерного нераспространения. Наоборот, она очень бережно относится к существующим договорам. Потому что они, в основном, – не эксклюзивная область двустороннего диалога с США, но это вопросы взаимоотношений со всем мировым сообществом. Поэтому у России нет причин пересматривать основные положения в области политики нераспространения ОМУ, которые заложены Концепцией внешней политики России, утвержденной президентом Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. Россия:

- ❑ по-прежнему рассматривает свои обязательства по договорам в сфере нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями и разоружения в качестве ключевых для обеспечения и укрепления международной безопасности. Хотя «доставшийся нам режим нераспространения не лучшим образом приспособлен для решения современных задач», он все же «не исчерпал своего позитивного потенциала»³;
- ❑ подтверждает неизменность своего курса на развитие многосторонних основ нераспространения ядерного оружия, других видов ОМУ и средств их доставки;
- ❑ делает особый акцент на важности скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ;
- ❑ выступает за недопущение вывода оружия в космос, за создание системы коллективного реагирования на возможные ракетные угрозы на равноправной основе и против односторонних действий в области стратегической ПРО, дестабилизирующих международную обстановку;
- ❑ противодействует попыткам создания и развертывания дестабилизирующих, в том числе новых видов вооружений: ядерных зарядов малой мощности, МБР с неядерными боеголовками, систем стратегической ПРО;
- ❑ готова вести переговоры со всеми ядерными державами в целях сокращения стратегических наступательных вооружений (межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках и тяжелые бомбардировщики, а также размещенные на них боезаряды) до минимального уровня, достаточного для поддержания стратегической стабильности.⁴

Для России важен прогресс в вопросах ядерного нераспространения, успешные подготовка и проведение Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО – договора, в котором у России нет причин разочаровываться и которым, в отличие от нынешней администрации США, мы не играем в зависимости от политической конъюнктуры и наших узко понятых интересов. Д.А. Медведев, выступая в октябре 2008 г. в Эвиане, обратил внимание на «прорехи» и «дырки» ДНЯО⁵. То есть предстоит довольно скучная, но необходимая работа – эти «дырки» залатывать.

Однако есть вопросы срочные и, действительно, ограниченные двусторонним российско-американским форматом. Прежде всего это судьба СНВ-1.

Официальная позиция здесь неизменна: Россия была и остается заинтересована в сохранении и развитии юридически обязывающих договоренностей в США в сфере раз-

оружия и контроля над вооружениями, больше того – придает достижению новой договоренности, которая должна прийти на смену СНВ-1, «исключительное значение»⁶. Россия – за сохранение преемственности этого процесса, укрепление мер доверия и транспарентности в области космической деятельности и противоракетной обороны. Россия хочет «договора, а не деклараций»⁷.

«Декларацией», пусть обставленной юридическим оформлением, по сути является Договор СНП. Вероятно, именно благодаря этой его «декларативности» он и проскочил Конгресс США. Мне кажется, что в нынешних условиях – даже притом что кресло в Белом доме уже в январе 2009 г. займет Барак Обама – рассчитывать на то, что реальные договоры между Россией и США в стратегической области будут американцами ратифицированы, не стоит. Надежды здесь более чем туманны. Характерный пример – как Конгресс *прокатил* российско-американское соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, совсем недавно, в августе, использовав как предлог ситуацию вокруг Грузии. Казалось бы, при чем тут вообще Грузия и Кавказ? Казалось бы, Россия в максимальной мере сотрудничала с Соединенными Штатами по вопросу атомного досье Ирана. Но за одними увязками и условиями следуют новые...

Не с этим ли придется столкнуться новому договору СНВ (конечно, сначала его надо выработать, а со времен *разминки*, которую обе стороны проделали в Сочи весной 2008 г., никакого прогресса не намечилось)?

Рискну поставить неудобный вопрос: а следует ли в таких условиях России вообще нацеливаться на выработку нового двустороннего соглашения с США в области контроля над вооружениями?

В условиях высокой непредсказуемости на мировой сцене и неутешительных попыток стратегического диалога с США России, возможно, следовало бы отказаться от многолетней практики симметричных с США шагов в области сокращения ядерных вооружений.

Не надо хлопать дверьми. Пусть СНВ-1 умрет своей смертью в декабре 2009 г. Не нужно оживлять умирающего. Многим переговорщикам, работавшим над СНВ-1, очень дороги механизмы верификации, заложенные в нем. Но они не только громоздки, но могут оказаться просто не нужными для России в новых условиях отношений с США.

Вообще, Россия должна развязать себе руки в вопросах ядерного разоружения, действовать исходя из собственных интересов и калькуляций, а не увязать в бесперспективных переговорах и не поддаваться на обещания, которые другая сторона, как выяснилось, не умеет держать.

Значит ли это, что Россия может вернуться к наращиванию стратегических ядерных вооружений? Конечно, нет. Это была бы вульгарная интерпретация того, что я только что сказал. России не нужны ее нынешние уровни СЯС. Россия по соображениям и сугубо военным, и сугубо финансовым должна быть заинтересована в их дальнейшем планомерном сокращении. Больше того, Россия должна и может продемонстрировать свое лидерство в вопросах ядерного разоружения. Кто сказал, что грузинский кризис этому помеха?

Россия может и должна прийти к Конференции 2010 г. по ДНЯО с декларацией о постепенном сокращении своих стратегических ядерных вооружений до 1000 единиц. А разве надо больше для решения стоящих сегодня перед страной угроз? Почему надо тут равняться на США, выключивая новые договоры о сокращении ядерных вооружений и ввязываясь в бесконечные переговоры?

Россия может действовать решительно и самостоятельно. Этого шага ждут от России многие государства, которые уже оценили новый, самостоятельный характер внешней политики России и которые наряду с Россией будут ведущими игроками в новой архитектуре международной безопасности.

В России не могут не видеть набирающих силу тенденций в пользу отказа от ядерного оружия. Они – и в инициативах *гуверовской четверки* (кстати, позитивно, пусть и с небольшими оговорками, встреченных в российских дипломатических кругах), и в шагах Великобритании, и в размышлениях, которые имеются во Франции. Со временем Рос-

Приглашаем Вас прокомментировать эту статью в разделе «Обсуждение» интернет-представительства журнала <http://si.pircenter.org>

сия видела бы закрепление нынешних сокращений через договор, выработанный всеми ядерными государствами. Это было бы достойным исполнением наших обязательств в рамках ДНЯО. Возможно, стоило бы выработать график движения к безъядерному миру. Причем движения всех.

Но надо быть честными: речь идет о графике, рассчитанном на десятилетия. В ближайшую четверть века вопрос об отказе от ядерного оружия как основы обеспечения безопасности России был бы неуместен. То есть это, скорее, мог бы быть не план-2020, а план-2050.

«БРАК ПО РАСЧЕТУ» ИЛИ «СЧАСТЛИВЫЙ РАЗВОД»?

Что означают итоги американских выборов для реанимации двустороннего стратегического диалога?

Как говорится, возможны варианты. Тот наиболее радужный, который так хотелось бы озвучить, связан с эффектом двух молодых президентов. В.В. Путин может намеренно уйти в сторону, дав возможность Д.А. Медведеву сыграть свою скрипку. Общие интересы, *технологичная продвинутость*, отсутствие зашоренности и вера в эффективность многосторонних дипломатических механизмов – вот то, что может сблизить двух президентов. И уже после этого на повестку дня может быть вынесена реанимация стратегического диалога, даже придание ему новых импульсов.

Совместная работа над:

- новыми механизмами общеевропейской безопасности;
- реанимацией Конференции по разоружению в Женеве;
- вступлением в силу ДВЗЯИ;
- обеспечением успешной Конференции ДНЯО 2010 г.;
- новыми, кооперативными подходами к ядерной Индии;
- новыми совместными подходами по Ирану;
- введением в действие и реализацией Соглашения 123;
- возможным продлением СНВ-1 или новым договором СНВ;
- международным соглашением по предотвращению ракетного распространения

– вот наиболее очевидные пункты такого диалога.

Параллельно должен быть усилен диалог между парламентариями двух стран в области внешней политики и обороны.

Надо понимать, что даже при таком радужном сценарии реанимация диалога может занять, с учетом нынешнего урона, нанесенного ему, не менее года. То есть можно просто не успеть решить ряд вопросов, таких как продление СНВ-1, в случае, если к такому подходу будут склоняться в обеих столицах.

В Москве многие с удовлетворением прочитали статью Генри Киссинджера и Джорджа Шульца под заголовком «В поисках общей платформы» («Finding Common Ground»), которая появилась в начале октября 2008 г. в *The Washington Post* и *International Herald Tribune*. Первая рекомендация этой программной статьи (адресованная, скорее всего, Бараку Обаме) – не изолировать Россию. Вторая – работать сообща по ключевым вопросам: нераспространение ядерного оружия, Иран, энергетика, изменение климата, снятие напряженности в связи с размещением в Восточной Европе противоракет и возможное объединение ряда элементов ПРО США и России, используя в качестве дорожной карты сочинское заявление от апреля 2008 г.⁸

Как благоприятный сигнал восприняли в Москве и диалог между министром энергетики США Сэмюэлем Бодманом и главой *Росатома* С.В. Кириенко, состоявшийся в начале октября 2008 г. в Вене. *Business as usual* – как бы стремились показать и российская, и американская стороны.

Однако важно не строить иллюзий. Позитивные программы действий нужны и важны, пусть они будут наготове. Больше того, очень важно попытаться использовать благоприятный момент смены администраций и первого года новой администрации в Вашингтоне.

Однако нынешний международный контекст делает его реализацию все же маловероятной.

И дело тут даже не в деталях персоналий, кого Барак Обама выдвинет на ключевые посты в администрации (хотя, спору нет, Ричард Холбрук как госсекретарь и Сэм Нанн как госсекретарь – это *две большие разницы*).

В то время как некоторые позитивно настроенные в отношении России люди из команды Барака Обамы выдвигают тезис «*skeptical engagement with Russia as the the best course*» [скептического вовлечения в диалог с Россией как наилучшего курса], думая, что встретят в Москве шквал аплодисментов, из Москвы им сухо отвечают: «*Happy divorce will be the best course*» – то есть лучше счастливо развестись сейчас, чем мучиться и окончательно *расплываться* потом. В общем – *счастливы порознь*.

Окончательное *расплывание* двух держав, обладающих в совокупности более 90% ядерных боеголовок на Земле, – это то, чего уж точно хотелось бы избежать. Даже если ценой этого будет затянувшееся *стратегическое молчание*.

Примечания

¹ Азар Илья, Артемьев Александр. Зарядка мировой напряженности. *Газета.Ru*. 2008, 29 июля, http://www.gazeta.ru/politics/2008/07/29_a_2796229.shtml (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

² Там же.

³ Медведев Дмитрий. Выступление на Конференции по мировой политике. Эвиан, Франция, 2008, 8 октября, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/10/207422.shtml> (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008, 12 июля, Пр-1440, <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

⁵ Медведев Дмитрий. Выступление на Конференции по мировой политике. Эвиан, Франция, 2008, 8 октября, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/10/207422.shtml> (Последнее посещение – 17 октября 2008 г.).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Kissinger Henry, Shultz George. Finding Common Ground. *International Herald Tribune*. 2008, September 30, <http://www.ihf.com/articles/2008/09/30/opinion/edkissinger.php> (последнее посещение – 17 октября 2008 г.).